

Вашим защитником, нашим радостелем.
 Был и остался Христом!
 Въ ярасе свободию страшно глубокою,
 Въ миръ безопалнаго без жестокаго
 Свѣточъ любви оны принесъ!

Кто, не смущаясь долею вашим,
 Пьетъ наслаждение полною чашею—
 Низменной страсти слуга,—
 Тотъ, кто подобие Боине безжалостно
 Въ вашемъ лицѣ попараетъ,— и яростно
 Точетъ васъ, бьетъ, какъ врага,
 Пусть тотъ же уходитъ въ чертоги богатые,
 Спитъ, какъ и сердце его виноватое,
 Спитъ безучастно, мертво!
 Не для него этого праздника, спасения
 И въ человечествѣ благоволения—
 Не для него!

N. N.

Въ Рождественскую ночь.

Сумерки сгустились.
 Мальчикъ, сидя на колышкахъ у отца,
 съ трепетной агитацией въ углу комнаты,
 гдѣ все больше и больше сгустились
 тѣни, и пугливо прислушивается къ
 шуму засыпающаго города.

Ему чудится, что тамъ, за окнами
 отцовскаго дома, гудитъ какой-то огромный
 огромный машина. Машину эту сейчасъ
 останавливаютъ, она все медленнее и
 медленнее перенедитъ своими колесами и
 шестернями. Тихе и тихе становится
 провозвонившій ея гулъ. Вотъ, кажется,
 совсемъ остановилась. Мальчикъ напрягаетъ
 слухъ. Нѣтъ, оны ошибся. Гулъ,
 хотя и тихий, отдаленный, едва уловимый
 ухомъ, все такъ слышится.

— Ты дремлешь, Коля?—говоритъ
 отецъ и кладетъ ему на голову свою
 руку.

— Нѣтъ, папочка.
 — Хочешь посмотреть зѣбду?
 — А развѣ прора папочка? Зѣблась
 уже?—и мальчикъ быстро сослезливается
 съ колышекъ отца на полъ.
 — Зѣблась,—говоритъ отецъ и подводитъ
 Колю къ окну. И отецъ и сынъ
 близко прижимаютъ къ стеклу.
 — Которая, папочка?—спрашиваетъ
 сынокъ, глядясь въ зѣбное небо.
 Вглядѣвъ отца падаетъ на созвѣздіе
 Ориона, оны выбираетъ болѣе яркую
 зѣбду и, указавъ за руку сына, направляетъ
 на нее его указательный палецъ.
 — Вотъ эта!

Дремота все больше и больше одолеваетъ
 глупую поборную деревню.
 Сидитъ, какъ думъ, поборъ низко опустивъ
 голову надъ старою рабшюной плитой
 и, при тусклъ въ свѣтъ лунныя, съ
 трудомъ читаетъ по складамъ.

— И пришла на-ти-ри и видятъ
 надъ верто-номъ яр-ку зѣб-ду!
 — Дѣдушка,—слышится около старика
 и изъ кучи тренья, лежащей на завѣхъ,
 поднимается маленькая голова съ черными
 кудрями и съ живыми, горящими
 яркостью глазами.
 — Ась?—выдвигаетъ дѣдъ.
 — Скажи, дѣдуся: и сейчасъ есть эта
 зѣбда?
 — И сейчасъ?
 — Дѣдушка, мнѣншій! Покази!
 Кривая, поднимается дѣдъ съ лавки и
 спускаетъ окно, заткнутое бршшной.
 Прямо, противъ окна, ярко сверкаетъ
 созвѣздіе Персея.

Кривоухатый, тонкій валецъ останавливается
 на наиболее яркой зѣбдѣ, а
 старческий голосъ дребезжитъ:
 — Вотъ эта самая!

Кругомъ шумы, куда только хватается
 глазъ, видна ледяная пустыня, мертвая,
 блѣлая, какъ свѣтъ. Бѣла и шумна. Чуть
 не до бортовъ засыпало ее свѣтомъ. Со
 свѣтомъ свѣдлѣны ледяныя сосульки.

На ютъ слышеть говоръ:
 — Хорошо теперь на берегу,—слышится
 грубый, скрипящій голосъ.
 — Ахъ, въ деревнѣ такъ теперъ!—поддерживаетъ
 его болѣе мягкій и молодой
 Пауза.
 — А скажи, дядя,—начинаетъ снова
 тотъ-же молодой голосъ,—ты въ этихъ
 краяхъ не впервые: видать здѣсь рождественскую
 зѣбду, аи нѣтъ?
 — А это кто!—и мускулистая, волосяная
 рука протягивается по направлению
 къ Большой Медвѣдикѣ.—Вотъ эта, сиван!

Въ это время такая-же волосатая
 рука протягивается изъ кучки матросовъ,
 стоящихъ на носу шкуны, и тычетъ
 въ Полярную зѣбду.
 — Вотъ эта, огромная-то!

Понимая ходомъ идти корветъ.
 Оны только что обогнули прекрасные
 берега Индіи и теперь бодро раскрасѣтъ
 волны Индійскаго океана.

Роскошная флора, яркое, фантастическое
 сочетание красокъ остались позади и
 теперь кругомъ одинъ только цѣтъ—
 сѣрое небо и такое-же море.

Вахтенный Иванъ задумался, прислушиваясь
 къ шурману попутнаго вѣтра и тихому
 плеску волны, разсѣваемой
 острыми носомъ корвета.

Иванъ въ первый разъ въ плаваніи и
 въ первый разъ проводитъ эту ночь не
 въ сѣмѣ.

На шею одна за другой зажигаются
 зѣбды. Смотритъ на нихъ Иванъ и
 кажется ему, что вверху кто-то распростеръ
 бархатный коверъ изъ-голубого
 цѣтъ и чья-то невидимая рука
 прикладываетъ къ этому коверу одну за
 другою бѣстки.

— Которая?—думаетъ Иванъ и останавливается
 взоромъ на ярко горящій
 зѣбдѣ изъ Южнаго Креста.

— Должно это,—сообразываетъ оны,—
 видно она, что камешъ самоцвѣтный, играетъ...

И вѣду; и мальчикъ изъ большого
 города средней Россіи, и два обитателя

старый и малый—глухой покорной
 деревушки, и матросы китоловнаго судна,
 заимованнаго въ ледяной пустыни
 Ледянаго океана, и вахтенный военнаго
 корабля, невдалекѣ отъ полярной фантазий
 и грѣзъ Индіи, разсѣивающаго волны
 океана,—все они волнуются одной мыслью,
 все они полны ожиданій а тѣхъ-же
 думъ, смущающихъ ожиданій, сладкихъ грѣзъ.

Вѣтъ они ищутъ на далекомъ голубомъ
 небѣ одну и ту-же зѣбду...
 Визолесскую зѣбду...

8. 6.

Звѣзда визолесская.

(Рождественскій разсказъ).

Дьячокъ Седлановъ вѣхалъ черезъ
 Рождество въ городъ продать возъ
 пшеницы и провадилъ въ городъ три
 дня. Приходскій священникъ о Геннадіи
 сначала удивился такому долгому
 отсутствію дьякона, а потомъ сталъ не на
 шутку беспокоиться. Дѣло въ томъ, что
 дьякону было дано много порученій,
 между прочимъ,—купить вина и профиръ
 для церкви, но вотъ уже наступилъ рождественскій
 сочельникъ, а дьякона все
 не было. О. Геннадій служилъ въ сочельникъ
 безъ дьякона,—потомъ съ
 день поглядывалъ въ окна на покрывающую
 сѣвгомъ площадь, въ безпокойствѣ бродилъ
 по комнатамъ и то и дѣло посылалъ
 работника узнать, не пріѣхалъ-ли дья-
 конъ.

Дьякона не было.
 Наступилъ рождественскій вечеръ...
 О. Геннадій отиралилъ безъ дьякона
 рождественскую аснопцу и послѣ неслъ
 пришелъ къ совершенной безпокойству...
 — Иванъ Гавриловичъ!—говорилъ
 о. Геннадій старостѣ: что это съ дьякономъ-
 то страсасе? Ума не приложу...
 — Завтра, мотри-ка!—сказалъ староста:
 слабый человекъ! Запродать выгодо
 пшеницу-то и... того...
 — Никогда не случалось недоумѣвать
 о. Геннадію,—наканунъ рождества да за-
 няться. Съ ума сойти надо!.. А вотъ какъ
 мы обидно завтра служить безъ профиръ
 будемъ? Спросила-ка, Иванъ Гаври-
 личъ,—хотѣ въ Погоричну къ о. Лукъ.
 Надо добить... Ахъ, этотъ дьяконъ!
 — Безпокойная душа! рѣшилъ Иванъ
 Гавриловичъ:—неможно съ придружъ...

— Ночь была морозная, зѣбдающая, когда
 о. Геннадій шель послѣ осенней
 дождя. Надъ сѣвомъ и покрытыми тѣмъ
 сѣвными полями за околицей стояла
 такая торжественная тишина, какъ будто
 гдѣ-то подъ небесами совершалась
 тайная, воздухъ былъ тоже неподвиженъ,
 —словно мѣръ прислушивался къ чему-то
 и ждалъ чего-то... У воротъ дома о. Геннадій
 разглядѣлъ подводу и выѣзжавшаго
 изъ нея человека...
 — Кто это?—спросилъ о. Геннадій, не
 узнавая...
 — Я!—отвѣчалъ знакомый голосъ...
 О. Геннадій узналъ дьякона!..
 — Пропавшая душа! вскричалъ онъ:
 гдѣ ты пропадалъ, дьяконъ? И не
 стыдно тебѣ? Службу пропустилъ? Три
 дня! Шутка скажете! Нѣтъ, мотри-ка!..
 — Все было!—сказалъ угромо дья-
 конъ,—примавшая лошадь за поводъ къ
 колыду калитки—виноватъ о. Геннадій!..
 А только ты не суди меня,—потому, та-
 кое со мной было, такое... Чего и не
 бывало никогда!..
 — А чтой?
 — Сейчасъ разскажу... Какъ на духъ...
 Только дай покупки забрать да внести
 въ комнату...

Дьячокъ нагрудилъ покупки, вѣнчикъ
 подъ мышку и въ полу подраспика
 и предводительствуемый батюшкою
 пошелъ въ просторную поповскую кухню.
 Славны здѣсь ихъ расночекой и разодѣтой
 по праздничному работницѣ,—они
 вешель въ залуду,—покрестился на икону
 и потти ушелъ на дѣлать...

— Какъ сонъ!—сказалъ оны: акы-бы
 виднѣно...
 — Разскажи, разскажи скорѣй!..
 интересоваля о. Геннадій. Что съ тобой
 такое приключилось?.. Видѣть у тебя
 какой разстрепанный!.. Ужъ не съ тобою
 свѣтъ выхлуда нѣхлѣтъ?..
 — Истинно!
 И пока работница, аменя монастыми
 и совсемъ зардѣвшись отъ латуги, носила
 самоваръ и собирала посуду, дьячокъ
 разсказывалъ:

— Цѣлая исторія! И никогда-бы
 и подумать не могъ, что со мной такое
 случится можеть!..
 — Да что-же?
 — Душа рамайка! Виднѣ-ли, батюшка!
 Похлѣлъ я это ишеницу продавать...
 Бѣду одинъ... Поля это кругомъ, свѣтомъ
 покрыты... Мертво, пустынно!.. И пошло
 на меня мотчаніе... Раздумался я о своей
 жизни,—о томъ какъ я маленькій былъ,
 какъ рождество бывало дождался... А по-
 томъ вспомнилъ, какъ я дальше жилъ,
 въ дѣтствахъ... И почувался мнѣ,—что
 вся жизнь моя болѣе—болѣе, безпо-
 койное поле, а я иду по нему, пыляющій,
 —и сползаю. Такъ мнѣ грустно
 стало!.. Господи!.. Думалъ-забѣтъ я
 жалгѣ. И кому какая польза отъ того,
 что я живу? Вотъ бѣду я ишеницу про-
 давъ... А кому это надо?.. Забѣтъ это?..
 Продавъ я ея, купилъ сиди разной да
 водки, свѣтъ, выпью,—и люди со мной
 будутъ пить и ѣсть... Потомъ уру я, и
 люди умираютъ... И слыжъ мой тоже
 будетъ собирать ишеницу, тоже будетъ
 продавать ее, то-же пить будетъ и то-же
 помереть... И зачѣтъ это?.. Къ чему?..
 Тоска меня обурала!..

— Ну, ты, дьячокъ, извѣстный фило-
 софъ!.. сказалъ о. Геннадій, разгляда
 чья это у тебя отъ вдовства!
 — Можеть!.. А только грустно мнѣ
 было, невесело!.. Ну—продать я ишени-
 цу чѣтъ чѣстью...
 — Какъ цѣна-то нынче?..
 — По семъ гривенѣ!.. Цѣна хорошая!..
 Получилъ я дѣньжонки и, надо сказать
 правду, поддулялъ... Съ тоски!.. То-сть
 такъ подгулялъ, что не стрѣльши мнѣ
 духовникъ изъ архереяскаго дома, доро-
 ги-бы до постоялаго не нашель!.. Увелъ

меня духовникъ-то къ себѣ... Ну, понима-
 емъ... Еще хуже!.. Такъ что и ало-
 чель... у него... На утро проснулся
 и такъ мнѣ... шумно!.. Въ головѣ не
 ладно,—но рту гадость какая-то, на ду-
 шѣ того хуже!.. Посмотрѣлъ вверху,
 бутылка изъ подъ явн... Стояли мени!..
 Духовника нѣтъ, уножъ къ службѣ!.. По-
 смотрѣлъ и на часы,—десять, у аладки
 звѣнеть!.. Дай, думаю,—подошлакъ въ
 пріемной, пона духовникъ перенесъ... Мо-
 жеть, знающаго встрѣчу,—все развеле-
 нѣе... Вышелъ въ пріемную,—пусто... Толь-
 ко да какъ-то дьякона въ углу по-
 топотъ ругаетъ,—да на съамечѣтъ стару-
 попочка сидитъ... Такая старушочка
 тошечная да несчастная,—пальтишко
 такое на ней въ алаптахъ,—дронитъ,
 словно озбѣла... Колыдуо мени
 чего-то въ сердце,—подошелъ къ ней...
 — Вы,—тошору,—что?..
 — Къ Владкѣ,—отвѣчаетъ.

И зашлакала.
 Ну,—не могу я видѣть слезъ,—пони-
 маешь,—даже осердилась...
 — Чего вы,—тошору,—даромъ воу
 тратилъ? Приберегите для архерея,—а я
 не архерея,—только Божію милостю
 дьяконъ, да и то чужеродный!..
 Посмотрѣла она на меня такъ жало-
 стивно...

— Ахъ,—говоритъ,—о, дьяконъ!.. Не
 знаете вы горы моего,—а то бы слыжъ
 такихъ не говорила!.. Простите меня
 Христа ради,—а только не могу я слезы
 мохъ сдержатъ,—полна ими грудь моя!..
 — А что у васъ, спрашиваю, за горе
 такое?..
 — Дочь мою умираетъ,—говоритъ: а
 помощи и не отуду не вижу... Вто-
 рой мѣсяцъ хоужу куда-то—сидю на посто-
 лу,—на Владкѣ вся надежда осталась...
 Лежитъ дочка-то... И не вѣтъ у насъ
 комматъ аснопцы,—за квартиру второй
 мѣсяцъ не платено... То-сть,—говоритъ,
 —безъ того вотъ третій день,—такая
 нужда,—а она у меня, дочка-то,—вос-
 питаній диканатого и къ нуждѣ не
 привыкла! Получила вѣкъ пошечельства
 въ десятъ рублей,—велики-ли денги?.. На
 лекарства, туда—сюда,—разошлись!.. Охъ,
 горюшкы!.. Ни родныхъ, ни знакомыхъ,—
 нѣтъ ни тутъ, да нѣтъ сирота безпризорная!

Разсказываетъ она такъ-то,—и у сѣ-
 мой слезы бѣгутъ—бѣгутъ,—но щеканъ,
 —поимеешь,—на пальтишко-то падаетъ...
 И вижу,—удержать она ихъ не
 можеть,—полна ими! Душа у меня за-
 тосковала...
 — Изъ какихъ,—спрашиваю,—дочка
 ваша?..
 — Учительницей,—была въ Ново-
 Михайловкѣ,—да мѣсто потеряла...
 — Отчего?..
 — А ни отъ чего... Отказали!.. Шо-
 ла-то ладонная,—старая,—холодная...
 Простудилась она,—слегла въ началѣ
 октября-то... Ну,—лежитъ да и лежить,
 ученья нѣтъ!.. А староста на нее злобу
 имѣлъ—сталъ охолощать, что-бы не
 убрала значить... Сильный староста-то,
 богатый мужикъ,—крутой,—всю округу
 въ рукахъ держитъ... Похлѣлъ оны въ
 благополучію,—туда,—сюда,—и охоло-
 талъ... Прислалъ бумагу, что отставляется
 отъ мѣста и, десятъ,—предоставляется
 право по выздоровленію и другое мѣсто
 присекать... Вскорѣ же за бумагой и по-
 ный учитель пріѣхалъ... Мнѣ, говоритъ,
 —комматъ очистите,—потому у меня
 семья!.. Съ простуды да съ огорченія
 совсемъ она слегла!.. Наестомъ лежатъ!..
 А помощи ни отуду и леченья не на
 что!

Разсказываетъ мнѣ такъ-то старушочка,
 —а мени, понимаешь, хватилъ
 жалость... И нашло на меня мотчаніе!..
 — Вотъ, думаю,—подку я журу и пале-
 ны, оны синія или пѣсь на блевотничѣ,
 а тутъ такая нужда!
 — Ну говорю,—не платите, старушка
 Божья!.. Побѣду я вмѣстѣ съ вами къ
 Владкѣ, поклонюсь ему въ ноги за ва-
 шу дочку Охлопотель!..
 А старушка-то сама мнѣ въ ноги и -
 ровнитъ!
 Размакъ я...
 Такъ мнѣ притно чего то стало!
 — Не все,—думалъ,—дьячокъ,—пья-
 нствовать,—надо и добродѣтель оказатъ!..
 Попалъ мнѣ къ Владкѣ вмѣстѣ.
 Поклонился я Владкѣ въ ноги...
 — А ты,—говоритъ Владкѣ!—Дья-
 конъ, чтой?..
 — Изъ жалости, говорю,—Владыно!..
 Не могу видѣть слезы вдовца!.. Велика
 печаль ея!.. Прону за нее во имя
 Христа... Идѣ-же,—сказано,—собрано дво-
 или трою во имя Его,—Оны посередѣ!..
 Текстомъ ему...
 Прослезился Владкѣ.
 И прошепелъ ушамъ, и своихъ
 пальца двадцать рублей, и обидѣлъ то-
 чась мѣсто дать дочкѣ, какъ попра-
 вится...
 Говоритъ:—
 — Воистину,—Христосъ родился нынѣ
 и осязъ сердца наши свѣтозарничъ
 свѣтомъ славы своей!..
 На послѣдокъ, понимаешь,—я къ стару-
 жкѣ пошелъ,—но шуты жила. И какъ
 посмотрѣлъ я на ихъ житье. Темнота,
 грязь,—мракъ, холодъ!.. Сама-то стару-
 хина дочка маленькая такая,—нѣжная.
 Какъ дѣточекъ воловей!.. Камлетъ,—
 говоритъ не можеть,—ослабѣла... Ча-
 хотка должно быть... Взяла меня за ру-
 ку... Хотѣла что то сказать... Да вдругъ
 руку мнѣ пощлавола...

Дьячокъ всталъ и въ волненіи захо-
 дилъ по комматъ!..
 — Денги, что за ишеницу выручили,
 такъ оставилъ,—говорилъ оны, глухо:—
 ну,—и понимаешь... Вотъ три дня! За
 къ доктору... тамъ на базаръ... За дра-
 мы мнѣ съѣздилъ...
 Оны умоляе...

О. Геннадій стоялъ у окна, смотрѣлъ
 на темную,—молчаливую площадь,—подъ
 которой,—въ глубинѣ темныхъ и асныхъ
 небесъ—сидѣла зѣбда рождественской
 полночи...
 — Дьяконъ!.. сказалъ оны: мечтате-
 ль!.. У насъ въ семинаріи одного учени-
 ка такъ звали за то,—что виднѣтъ мѣ

денги раздавать,—а разъ рубашку от-
 далъ... Вотъ и ты тоже...
 Дьячокъ молча ходилъ по комматъ!..
 О. Геннадій все смотрѣлъ въ окно...
 — Дьяконъ!.. сказалъ оны, и въ го-
 лосѣ его зазвучала кака-то магистъ:—
 а хочешь,—завтра поелъ обѣды!..
 — Ну...
 — Вѣстѣ въ городъ съѣздишь... Провидѣ-
 мъ!..
 Дьячокъ быстро подошелъ къ о. Ген-
 надію и обидѣлъ его.
 — Отецъ!..—сказалъ оны: а хотѣлъ
 тебѣ предложить,—да не смѣлъ!.. Мнѣ
 стыдно чего-то было... А теперь мнѣ
 радостно!.. Сердце мое раскралось... По-
 нимай а!.. Въ мнѣ въ землю смотримъ,
 и небесъ не забываемъ... А намъ надо въ
 небо смотреть!.. Тамъ въ небѣ зѣбды!..
 Тамъ и она,—понимаешь... Она!
 Оны восторженнѣмъ, советъ не свой-
 ственнѣмъ ему тономъ, закончилъ,—смот-
 ря куда-то за окно въ высокое темное
 небо:

— Зѣбда визолесская!..

О. Гусевъ Оренбургскій.

„Одиночество“.

Занятая электричествомъ улицъ, раско-
 шные магазины съ зеркальными окнами,
 изъ которыхъ дожились желтыя по-
 лосы свѣта, скринъ позолоты, характер-
 ное позываніе лошадиныхъ подвожъ
 о мерзую мостовую, окрики чучеровъ и
 неясный говоръ и шарканье ногъ жено-
 лодной толпы—все это, постепенно за-
 мырало, осталось позади Валеріи Петров-
 ны. Высокая и худая, она быстро шла
 въ своей коротенькой жакеткѣ, яркно
 прижимая къ себѣ большой портфель
 и смотрѣла куда-то въ даль, поперекъ
 людскихъ головъ, своими огромными
 черными, какъ бы индѣйскими глазами,
 Холодная снѣжная пыль, кружась въ мо-
 розномъ воздухѣ, обласкивала въ поло-
 сѣ электрическаго свѣта, и болѣе
 цѣпала лица прохожихъ, заставляя ихъ
 прикрывать воротнички и муфты.
 Но Валерія Петровна не забывала холо-
 да и не пыталась укрыться платкомъ,
 который почти свалился съ ея старень-
 кой бархатной шапки. Она не забывала
 и прохладки, то и дѣло заставляла
 за вѣкъ, и не извѣщаясь о ея
 снѣжной, отпускаясь кой-къмъ изъ
 публички. На одномъ переходѣ экреци-
 вонныхъ улицъ она очутилась только
 тогда, когда вмѣстѣ съ громкимъ окри-
 комъ: «беремъ!» на нее нахлула те-
 мная дѣланикъ отъ близкой темной
 лошадиной морды и когда у самыхъ
 ногъ брызнула блестящая жемра отъ ло-
 шадинаго подвожъ.

Валерія Петровна отпрянула въ сторо-
 ну и свернула на тихую бокову ю улицу.
 Здѣсь фонари попадались рѣже и свѣтъ
 керосиновыхъ лампочекъ казался
 тусклымъ послѣ электричества, освѣщая
 небольшие круги около фонарныхъ стол-
 бовъ. Освѣщенные магазины болѣе не
 попадались и пробивались только узенькія
 желтыя полоски черезъ щели закры-
 тыхъ ставень домовъ. Было тихо и пу-
 стынно.

Гдѣ то гулко раздавался удар коло-
 кола и дребезжащій звукъ нарушавъ за
 минуту тишину пустынной улицы. Гдѣ-
 то сторожъ заступалъ въ трещетку, гро-
 мыхула дѣтъ сердитой дьярнни и за-
 ласка звонилъ лаемъ въ дѣднана, ма-
 ленькая собачка.

По мѣрѣ того, какъ фонари становились
 рѣже и тусклѣе, улицы начинали
 свѣтлѣть, а отъ заборовъ и дожовъ потя-
 нулись темныя, косыя тѣни. Съ края го-
 ризонта, за темной массой строений и са-
 довъ, медленно выплывала красавица
 луна. Наблещаній облака, синія и бѣлыя
 веры заслоняли ее, пропуская приву-
 чивыя фигуры; оны то сходились, то
 расходились и увеличивались куда то въ
 даль. На пыльномъ мнотеней ничто не
 затеняло холодной снѣны неба съ без-
 численными чуть мерцающими зѣбдами
 и таинственнымъ блѣсоватымъ свѣтъ
 изъ отъ блестящаго лица луны на бѣлыя
 кривны и бѣлыя деревца, на бѣлую ули-
 цу съ чуть темнѣющими колеями. Свѣтъ
 некрисли, или принималъ зеленноватій
 оттѣнокъ, а тѣни домовъ дѣлались тем-
 нѣе. Но проходила минута и опять от-
 куда то несильно бѣже и снѣры комки
 облаковъ, оны светлѣлись и расплѣта-
 лись въ фантастическія хорооводы и снова
 начиналась игра тѣней и свѣта и тѣни
 домовъ оживали и шемелились.

Валерія Петровна все такъ также бы-
 стро шла, перебѣвая улицы, иногда
 скользя и спотыкаясь, все-съ устрем-
 ленными въ даль глазами. Но глаза эти
 теперь вдумчиво смотрѣли на чудную,
 таинственную картину зимней лунной
 ночи. Шагъ ея замедлился и скоро она
 остановилась у подъѣзда небольшого дома
 обоевала. Это была ея квартира.

На лестницѣ послышались торжественныя
 шаги, шелкучу ключъ и въ полуотворен-
 ную дверь прорывался холодный свѣтъ.
 Молодецкая горничная ея хозяйствъ
 пропущала ее впередъ и, заперши дверь,
 пошла позвать, свѣтъ высоко—поднятой
 старинной свѣчи.

— Заводала съ урокомъ, Валерія
 Петровна!—говорила дѣлуна на ходу,
 —хотѣла вѣтъ на елку ухватилъ къ Ор-
 лоскевичъ, васъ хотѣли уватъ... Особаню
 барышня, Лизавета Игнатьевна!.. И баричъ
 Борисъ Игнатьевичъ тоже говорилъ: че-
 го ей одной до дома сидѣть?...—таратор-
 ла словоохотливая дѣлушка, сараяла
 несемыми снѣры глазами.—Идите за
 мной, Валерія Петровна въ коридоръ,
 темло!

— Спасибо, Мама,—отвѣтила уставло
 приходила.
 И Мама проскочила впередъ изъ пере-
 ходъ въ темный коридоръ, все дерка
 сидѣть надъ головой и шуми своимъ по-
 чымъ, роювачъ платьемъ.
 Валерія Петровна отырала коммату, и
 не раздѣваясь, стала зажигать лампу
 подъ зеленымъ абакуромъ.

Мама не рѣшительно помялась на
 мѣстѣ:
 — Вотъ, что, Валерія Петровна. Наши
 скоро то не вернутся, а самоваръ
 чинъ у меня для васъ готовъ, я игонокъ
 подаю, а чего у васъ попорку: посиди-
 те съ часокъ одна, и въ соседскій Варѣ
 обѣдаю... Тутъ по черной лестницѣ спус-
 цуетъ.

— Ну, что же, Мама, идите, согласи-
 лась тотчасъ же Валерія Петровна, ус-
 ѣбывая уже переодѣться изъ чернаго
 платья въ простенькую ситцевую блузку
 и учелась на кушетку въ ожиданіи чаю.
 — Вотъ ужъ спасибо... вотъ ужъ ра-
 да я какъ?
 Мама оцѣпъ зашумѣла своимъ, зѣле-
 нымъ платьемъ и чрезъ минуту, вмѣстѣ
 со звономъ посуды, доносилась изъ кухни
 и звонко—папѣлаемая пѣсенка.

Валерія Петровна лежала съ закрыты-
 ми глазами и не обращала вниманія на
 то, какъ Мама подала самоваръ, завар-
 ыла чай, и какъ она всяко поглядѣ-
 вала на «молчаливую жилицу», полагая,
 что она задремала. Покончивъ съ само-
 варомъ Мама постоала опять въ пере-
 шительности.

— Валерія Петровна! Вы не уснѣте
 спать!.. Самоваръ затухнетъ!.. Я ужо жу!
 —возмисла она голосъ.
 — Я не сплю, Мама, идите!—махнула
 рукой Валерія Петровна.

Снова зашумѣло новое платье, засту-
 чала каблуки съ подковками; гдѣ-то
 гулко шелкучу ключъ, раздалось то-
 нащее ногъ по лестницѣ и вѣдуцій визгъ
 свѣта отъ быстрыхъ шаговъ подъ окнами.

Въ квартирѣ наступила жуткая тиши-
 на. Только маленькій самоваръ отъ вре-
 мени издавалъ жалобныя ноты.

Въ дѣлѣ Валерія Петровна было пу-
 сто и темно: не думъ, ни желаній, одна
 страшная усталость. Но она невольно
 вслушивалась въ эту жуткую тишину и
 чувствовала себя такой далекой, оторва-
 нной отъ всего и всѣхъ. Эти молчали-
 выя стѣны, эти замершія окна съ та-
 кими толстѣмъ слоемъ льда, что свѣтъ
 лампъ игралъ въ нихъ разрозненными
 отблесками, эти стѣны и ледяныя ока-
 тово отдалили ее отъ всего живаго.

Невольно же она начала всматриваться
 въ полумертвую половину комнаты. Ла-
 мпа на столѣ горѣла ровнымъ, соннымъ
 свѣтомъ и дрожалъ темный, возмущеній
 кругъ на потолкѣ надъ освѣщеннымъ
 столомъ.

А въ груди все росла пустота, темная
 и холодная! И самоваръ нѣтъ еще то-
 саливъ. Валерія Петровна приводалась,
 подошла къ столу и нашла стаканъ чаю,
 но точасъ же про него забыла и стала
 медленно ходить изъ угла въ уголъ по
 расставной шерстяной дорожкѣ.

